

И.В. Журавлев. Диалоги о сознании (проблема матрицы).
М.: ООО «Петроруш», 2005.

Предварительные замечания

Американский философ Джон Сёрл как-то заметил, что качество философских работ обычно обратно пропорционально количеству используемых в них ссылок на другие философские работы. Хотя это утверждение и кажется на первый взгляд странным, с ним трудно не согласиться. В своей книге я почти не буду ссылаться на других философов — хотя бы потому, что неискушенному читателю эти ссылки все равно мало что скажут, а искушенному они и вовсе не нужны: он без труда узнает в некоторых высказываемых здесь идеях то, что ранее формулировали Платон или Кант, Витгенштейн, Поппер или Мамардашвили...

Но раз уж далеко не всё из придуманного мной не было придумано и кем-то другим, а моя книга всё же есть книга не столько философская, сколько научная (или даже научно-популярная), я решил в ряде случаев прибегнуть к подстрочным примечаниям, в которых бы пояснялась та или иная идея или рассказывалось бы о ее происхождении. Таких примечаний, сразу скажу, будет немного.

В этих диалогах мне придется начать с обсуждения самых простых вещей — дабы читатель, не утруждавший себя ранее философскими размышлениями, сразу не отложил эту работу в сторону как очередную, по его мнению, бессмыслицу. Как ни парадоксально, само существование сознания, о котором мы поведем речь, далеко не очевидно для обывателя. Можно прожить всю жизнь, так и не узнав, что обладаешь сознанием. Можно ни разу не задуматься над тем, что делает тебя способным думать, и ни разу не спросить себя, как так вышло, что человек оказался способным задавать себе вопросы. Тем более странно, что люди, не привыкшие обременять себя подобными вопросами, часто считают себя вправе при любом удобном случае дать на них ответ. Мне хотелось бы предназначить эту книгу именно им, но, боюсь, эта моя затея, как и многие подобные затеи других любимых мною авторов, все равно ни к чему не приведет. Понять меня сможет только тот, кто уже понял самого себя в размышлениях о том, о чем мы сейчас будем говорить. А это значит, что моим читателем скорее всего останется если и не специалист по философии, то, по крайней мере, человек, которого действительно интересуют или *могут заинтересовать* серьезные философские проблемы. Поэтому и в этих диалогах мой воображаемый собеседник, как я ни старался, достаточно быстро превратился для меня из оппонента-скептика, считавшего, что философия — это болтовня, а сознание — это функция мозга, в союзника, который бережно относится к каждой формулировке и не кидает слов на ветер.

Фактически, эти диалоги призваны продемонстрировать читателю те границы, за которые никогда не сможет выйти нейронаука, а основная мысль, которую я пытаюсь в них обосновать, заключается в том, что для познания человека и прежде всего понимания сущности человеческого сознания изучение обыкновенной кастрюли дает несравнимо больше, чем исследование мозга. Вы хотите знать, почему? Тогда постарайтесь ответить на вопрос, *что нужно, чтобы в природе появилась мозг, и что нужно, чтобы в природе появилась кастрюля...* В отличие от многих приверженцев модной сейчас нейрофизиологии (заслуги и перспективы которой мне, кстати, и в голову не приходит оспаривать), я не один раз держал человеческий мозг собственными руками и даже разрезал его скальпелем на отдельные фрагменты. И, смею заверить, никакого сознания или даже

самой ничтожной мысли мне там найти не удалось¹. Конечно же, мозг можно исследовать не только анатомически: можно, например, изучать функциональную активность различных его участков при различных состояниях — например, при нервных болезнях. Очевидно, что изменения в мозге сопровождаются изменениями функций человеческого организма. Очевидно также, что процессы в мозге ответственны за реализацию и психических функций, например — функции речи, которая нарушается при афазиях. Однако не менее очевидно и то, что защита Грюнфельда отличается от «Защиты Лужина» значительно больше, чем мозг гроссмейстера — от мозга писателя, и тем более различия между камнем в лапе у шимпанзе и ручкой, которой я пишу эти строки, перекрывают любые мыслимые различия между мозгом обезьяны и мозгом человека...

Но — слишком уж много получается предварительных замечаний. Поэтому приступим к самим диалогам. Первое слово, как водится, будет предоставлено моему воображаемому собеседнику.

Первый диалог. Психофизическая проблема

Вступление. Философия начинается в нас как способность удивляться тому, что другие усматривают с очевидностью. Проблема восприятия. Невозможность перехода от физического к психическому. Психофизическая проблема и попытки ее решения. Матрица. Возражение К. Попперу, считавшему, что показания научных приборов свидетельствуют о существовании объективного мира. Прибор есть усилитель человеческой способности познания, устроенный в соответствии с ней. Нам открывается такой мир, какой мы сами можем увидеть.

— Я, знаешь ли, недолюбливаю философию. Философы, по-моему, только из упрямства отстаивают свои идеи, но на самом деле втайне сами в них не верят. Ну как, например, можно ставить под сомнение прогресс научного знания о мире, в котором мы живем? Как можно отрицать проверенный наукой путь развития знания — от наблюдения к теории? Ведь если рассуждать здраво, то каждому человеку, и даже самому упрямому философу, станет очевидно, что мир — таков, каким мы его видим, каким, если точнее, мы познаём его посредством науки. Наука, конечно, постоянно развивается, и сегодня мы не знаем многого из того, что сможем узнать завтра. Но она накапливает факты, с которыми нельзя не считаться. Чем больше мы наблюдаем фактов, тем больше узнаём. Бессмысленно отрицать достижения науки. Это же совершенно очевидно, и поэтому я приемлю только одну философию — философию здравого смысла. Все остальное — пустые рассуждательства, которые никому не нужны.

— Ну разве это не удивительно!

— Что?

— Да хотя бы то, что можно считать нечто абсолютно очевидным!

— А, ты как всегда, наверное, хочешь уйти от прямого ответа куда-нибудь в сторону. Знаю я вас, философов...

— Да нет! Я просто хотел продемонстрировать тебе самую суть философии, философского взгляда на мир. Разве не удивительно, например, что мы с тобой видим сейчас друг друга? Что мы разговариваем и даже понимаем (пусть явно плохо, но все-таки понимаем) друг друга?

— А что здесь удивительного? По-моему, все эти вопросы просто бессмысленны.

— Дело сейчас не в том, бессмысленны они или нет. Мы это сможем установить позднее. Я задавал их для того, чтобы ты постарался осознать следующую вещь: *философия начинается (в нас*

¹ Эти слова могут напомнить читателю старую аргументацию советской атеистической пропаганды: космонавты летали в космос и Бога там не видели. Но в том-то и дело, в космосе найти Бога нельзя, как и сознание нельзя найти в мозге.

самих!) с нашей способности увидеть как проблему то, что другим кажется совершенно очевидным.

— Пусть так. Но зачем нужна такая способность? Зачем ходить и сомневаться вместо того, чтобы делать дело? Какой смысл во всей этой философии? Ведь всё и так понятно! А то, что, может быть, непонятно сейчас, станет ясным завтра... Постепенно человечество узнаёт все больше и больше, причем знания, которые оно накапливает, человечеству действительно нужны, в отличие от твоей философии. Наука, кстати сказать, давно уже указала философии на дверь. Зачем же теперь нужна способность, о которой ты говорил? Я понимаю, что ученый может усомниться в правильности той или иной теории, но тогда он может провести эксперимент, что-то уточнить... А сомневаться в очевидных вещах, например в том, что ты сам существуешь, — это, по-моему, удел бездельников. Кому еще нужна твоя философия?

— Ты прав! Ты просто и не мог сказать ничего другого. Но дело в том, что тот мир, в котором ты живешь, просто не вмещает такие вопросы, делает их совершенно бессмысленными. В твоём мире (а ты ведь убежден, что твой мир — это и есть правильный мир) ответа на все эти вопросы просто нет. В нем действительно можно обойтись без философии.

— Но это и есть тот реальный мир, в котором мы живем!

— Послушай же меня внимательно, ты не дал мне договорить. Твой мир, который ты считаешь реальным и единственно возможным, на самом деле есть мир догм, а не мыслей, фактов, а не поисков, мертвого знания, а не творчества, усвоения чужого, а не создания своего...

— Да вовсе нет! А как же великие научные открытия, а как же достижения культуры? Все это есть в реальном мире, и не морочь мне, пожалуйста, голову.

— Ты снова перебил меня. Впрочем, твой вопрос вселяет в меня надежду. О том, как возможно научное открытие, мы еще, я надеюсь, поговорим. Пока что я продолжу: мир, который ты считаешь реальным, мир знаний, мир постепенного приближения к истине, — этот мир я мог бы разрушить, как карточный дворец. Строго говоря, простейшее осмысление его оснований, фундамента, на котором он должен был бы стоять, сделало бы само строительство его невозможным. Как раз такой мир и является бессмысленным — просто потому, что он *не осмыслен*. Это мир рабства, мир рабской зависимости исследователя от исследуемого объекта, как, впрочем, и рабской зависимости любого человека от вещей, его окружающих.

— Ты хочешь сказать, что человек не зависит от вещей, которые его окружают?

— Совсем не в этом дело! Я хочу сказать, что человеку не мешает, глядя на вещь, посмотреть и на самого себя, не мешает постараться увидеть себя... в вещи! Но я не буду пока эту мысль развивать дальше: твоя скептическая улыбка меня останавливает. Ты, конечно же, думаешь сейчас о том, что человек и так давно уже исследует не только вещи, но и самого себя.

— Именно это я сейчас и думаю: есть масса наук о самом человеке: медицина, нейрофизиология, психология...

— Вот только от рабского взгляда на мир человек в этих науках чаще всего приходит... к рабскому взгляду на самого себя. Он, тем самым, просто пытается построить очередной карточный домик. Но вот парадокс: этот карточный мир для тех, кто находится внутри него, оказывается настолько прочным, что высвободиться из него могут лишь единицы. Если хочешь, я покажу тебе другой мир.

— Ты красиво говоришь. Я, пожалуй, тебя послушаю, но долго с тобой говорить не смогу: у меня много дел. Итак: что ты можешь противопоставить науке?

— О! Я вовсе не собираюсь ей что-либо противопоставлять. Я собираюсь лишь обратить твое внимание на то, *как* ты смотришь на мир, на то, *как* ты его познаешь.

— Ну что же! Я в твоём распоряжении.

— Хорошо! Ты, я знаю, получил неплохое образование?

— Да.

- И ты, вероятно, знаешь, как, например, происходит процесс восприятия?
- В общих чертах — да.
- А теперь скажи мне: видишь ли ты это дерево?
- Разумеется.
- Каким же образом ты его воспринимаешь?
- Ну, это достаточно просто: свет, отражаясь от дерева, проходит через определенные структуры моего глаза и фокусируется на сетчатке.
- Что происходит дальше?
- Раздражение ее рецепторного аппарата (палочек и колбочек) передается по зрительному нерву в центральную нервную систему. Если бы я открыл сейчас руководство по неврологии, я достаточно подробно рассказал бы тебе, где находится первый чувствительный нейрон, где — чувствительные ядра в самом мозге. Я мог бы тебе подробно описать весь путь, по которому сигнал передается от сетчатки до зрительного анализатора.
- Допустим, что ты это уже описал. Какова же последняя инстанция, в которую передается этот сигнал?
- Зрительный анализатор в коре головного мозга.
- Ну, а дальше?
- А дальше происходит обработка информации.
- И что?
- И... я вижу дерево.
- Ты, кажется, запнулся.
- Да нет, я просто не знаю точно, как в зрительном анализаторе обрабатывается информация.
- А если бы ты это знал?
- Тогда я с легкостью описал бы, как в результате соответствующей обработки в моем сознании возникает образ дерева, которое я вижу.
- Постой-постой. Где, ты сказал, возникает образ?
- В сознании... Ну хорошо, я понял твой намек. Мне трудно сказать, что такое сознание, и поэтому я скажу иначе: образ, без сомнения, возникает в мозге.
- Ты в этом уверен? Ты хочешь сказать, что ты воспринимаешь дерево в своем мозге?
- Разумеется.
- Но если твое восприятие дерева осуществляется в мозге, то почему ты видишь его не у себя в голове, а в двух метрах от себя, т.е. там, где оно реально находится?
- Я не понял твой вопрос. По-моему, он не имеет смысла.
- Тогда я задам другой. Если ты воспринимаешь дерево в своем мозге, то, получается, в твоём мозге есть еще и некий восприниматель (ты сам), который смотрит на информацию, обрабатываемую анализатором?
- Да нет! Чувшь какая-то. Восприятие дерева есть функция моего мозга. И всё. В моем мозге формируется образ дерева.
- Стало быть, это твой мозг видит дерево?
- В конечном счете — да.
- Или, быть может, видишь его все-таки *ты сам*?
- Вижу-то его, конечно, я. Но в этом нет ничего странного: мое восприятие дерева есть результат работы моего мозга.
- Ты хочешь сказать, что мозг обрабатывает информацию, а в результате ты видишь дерево?
- Да.
- Скажи пожалуйста: отражение света деревом — это физический процесс?
- Да.
- А преломление света в структурах твоего глаза?

- Тоже.
- А передача сигнала в нервную систему?
- Без сомнения.
- А обработка информации зрительным анализатором?
- Тоже.
- А тот процесс, в результате которого ты можешь сказать, что видишь дерево?
- Все это вполне материальные процессы.
- И твое знание об этом дереве? Твоя мысль о дереве?
- Ну да... Хотя постой: я, кажется, начинаю понимать, к чему ты клонишь. Ты, как кажется, хочешь сказать, что между фактом обработки информации в мозге и фактом «я вижу дерево» существует какое-то серьезное различие. Я и сам это различие смутно осознаю, но не могу точно сформулировать, в чем тут дело.
- Признаешь ли ты в себе не только физическую активность, но еще и психическую?
- А, вот в чем дело! Вот, видимо, и разгадка: явления, которые нам надо было различить, мы можем попросту по-разному назвать: одни будут физическими, а другие — психическими. При этом, конечно, психическое все же остается надстройкой над физическим, психика — это функция мозга.
- Не будь так поспешен! Давай все же рассмотрим это подробнее. Назови мне для начала явления, которые ты мог бы отнести к психическим.
- Я смотрю на дерево. Образ дерева присутствует в моем сознании. Теперь я уже могу так сказать. Я осознаю это дерево. Я могу закрыть глаза и представить его мысленно. Я смогу когда-нибудь вспомнить об этом дереве. Я могу думать и рассуждать о нем. Всё это, конечно же, психические процессы. Но все они невозможны без функционирования моего мозга.
- А теперь приведи мне примеры физических явлений.
- Ну, это совсем просто: дерево — это физическое тело. Оно вполне материально. Оно растет, цветет, на нем созревают семена, оно сбрасывает листья... Оно отражает свет. Все это — физические процессы.
- И процессы эти подчиняются физическим законам?
- Да.
- И они, стало быть, не подчиняются никаким другим законам, например — психическим?
- Да. Иначе можно было бы передвигать вещи усилием мысли. В такую чепуху я, конечно, не верю.
- Процесс восприятия, каким ты его сначала мне описал, — это физический процесс?
- Конечно!
- Он не подчиняется законам психики?
- Не подчиняется.
- Как же этот процесс превращается в психический?
- Я тебя не понимаю.
- Как физические процессы, протекающие в твоей нервной системе, превращаются в восприятие тобой дерева, в твою мысль о дереве? Ты ведь, мне кажется, сам сказал, что мысль — это явление психическое, а не физическое.
- Но психика, я сказал, есть функция мозга.
- Тогда ответь мне на такой вопрос: согласен ли ты с тем, что физическое тело может действовать на другое физическое тело?
- Конечно: я могу ударить ногой мяч, и он отскочит.
- И, разумеется, физический процесс может быть вызван только каким-либо другим физическим процессом?
- Да. Физические процессы подчиняются физическим законам, и я об этом уже говорил.

- Но, значит, физическое явление может быть причиной или следствием только какого-либо другого физического явления?
- Без сомнения.
- И тогда оно не может быть причиной нефизического явления?
- Не может.
- Значит, физическое явление не может быть причиной психического явления?
- Получается, что не может.
- Как же ты тогда можешь утверждать, что психика — это функция мозга? Не получается ли теперь, что мозг вовсе не может продуцировать мысли? Что, по крайней мере, отношения между мозгом и мыслью не такие, как между печенью и желчью?
- Стоп! До нашего разговора с тобой мне было всё совершенно ясно, теперь же мне ясно только одно: философ — это тот, кто хорошо запутывает других. Но ты меня все-таки заинтриговал. Я даже отложу свои дела, чтобы продолжить наш разговор. И вот что я теперь думаю: мне кажется, что неправомерно разделять явления на физические и психические. Ни о каком переходе от физического к психическому речи быть не может, если эти явления не сводимы друг к другу. Но я утверждаю именно то, что психика — это особая, интегративная функция мозга. В природе всё материально, и никаких психических явлений самих по себе в ней нет. Так что твое сравнение мысли с желчью как раз вполне пригодно: мысль — продукт деятельности мозга.
- Желчь, вырабатываемая печенью, материальна?
- Да.
- Значит, и мысль, будучи результатом функционирования мозга, который материален, тоже материальна?
- В каком-то смысле да. По крайней мере, я не вижу другого ответа. Я думаю, что ее можно назвать чем-то вроде электрического поля...
- Стало быть, исследуя мозг человека, мы рано или поздно сможем узнавать содержание его мыслей?
- Мне трудно ответить на этот вопрос. Но логика моих последних рассуждений склоняет меня к тому, чтобы ответить на него положительно: да, узнать содержание мыслей, анализируя мозг, рано или поздно станет вполне возможным.
- Так же, как, например, можно узнать и содержание фильма, тщательно изучив устройство телевизора?
- Ты рассуждаешь некорректно! В телевизоре как материальном предмете происходят сложные материальные процессы. Изучив их, можно восстановить изображение, которое телевизор показывает. Можно даже восстановить весь фильм — который в данном случае выступит перед нами как материальный процесс. Но содержание фильма таким способом узнать нельзя: ведь оно возникает не в телевизоре, а в голове зрителя.
- Что же, интересно мне знать, происходит с этим содержанием в голове зрителя? Откуда оно там берется, если трансляция фильма — это, как ты выражаешься, материальный процесс? Не то же ли самое мы обсудили, говоря о восприятии дерева?
- Откуда оно берется?.. Ты, по-моему, опять ловишь меня в ловушку.
- Вспомни то, о чем мы говорили. Сначала ты утверждал, что психические явления и физические явления не сводимы друг к другу. Затем ты решил, что мысль — материальна. Но когда я привел тебе в пример телевизор, ты снова встал на свою прежнюю позицию. Разве некорректно было с моей стороны предполагать, что материальную, как ты решил, мысль можно узнать, исследовав ее материальный источник? Ведь если в природе нет ничего кроме материи, то не важно, в каком месте мы ее исследуем, в телевизоре или в мозге: события, происходящие в телевизоре, должны быть сопоставимыми с событиями, которые происходят в голове зрителя.
- Ты меня окончательно запутал.

— Готов ли ты отказаться от своей идеи по поводу материальности мыслей?

— Я не знаю.

— Во всяком случае ты, наверное, не сомневаешься в том, что один и тот же фильм может быть истолкован сотней разных способов?

— Да, конечно.

— Что, далее, одна и та же вещь может принимать совершенно различные значения, которые напрямую не определяются ее материальными качествами?

— Да, видимо, это так.

— Обрати внимание на любое слово нашего языка: определяется ли его значение его звучанием?

— И да, и нет. Да — потому что иначе мы вообще не могли бы друг друга понимать. Слово, у которого не было бы более или менее строго определенного значения, вообще перестало бы быть словом. Нет — потому что одним и тем же словом (со стороны его звучания) мы можем выразить самые разные и даже полностью противоположные мысли. Кроме того, одно и то же слово, звучащее из уст разных людей, может означать самые разные вещи.

— Ты сказал очень мудро. Я не буду тебя сейчас спрашивать, есть ли какой либо выход из этой дилеммы. Но ответь мне: звучание слова — это явление физическое?

— Без сомнения.

— А значение?

— Значение, конечно же, возникает в голове, когда человек слышит слово или сам его произносит. Сейчас я отнес бы его к психическим явлениям. Значение, как кажется, вообще не может покидать голову...

— Ага!

— Что-то не так?

— Подумай внимательно над тем, что ты сейчас сказал.

— Я сказал... я сказал, что, когда я воспринимаю дерево, его образ появляется у меня в голове, и этот образ — психический, а не физический.

— А как же сетчатка? А как же зрительный анализатор? Или, в случае со словом, — слуховой анализатор? И кстати: если значения, как и психические образы, никогда не покидают головы, то как же, позволь полюбопытствовать, они туда попадают? Мы же договорились, что физическое не превращается в психическое! Разве нет?

— Мне трудно сказать. Я никогда раньше не задумывался над этим. Я уже говорил, что интуитивно чувствую отличие физических явлений от психических, например — дерева от моей мысли об этом дереве, звучания слова от его значения, но я не могу четко это отличие сформулировать. Пытаясь разобраться в этом, я, как ты правильно заметил, впадаю в противоречия.

— Ты, во всяком случае, не станешь сейчас отрицать, что законы, которым подчиняются мысли, явно отличаются от законов, которым подчиняются вещи?

— Вроде бы так.

— Но если обработка сигналов в мозге — это физический процесс, а мысль о дереве — это психический процесс, то как возможно, чтобы эти процессы встретились, причем встретились не где-нибудь, а именно в твоей голове?

— Я не знаю. Хотя постой-ка: я, кажется, могу ответить тебе на этот вопрос. Я удивлен, что раньше это не пришло мне в голову.

— Я внимательно слушаю.

— Никакая наука не может исключить религию, не может ее опровергнуть. Сейчас даже крупные ученые, занимающиеся исследованием мозга, всерьез говорят о человеческой душе. Мы можем сказать так: процессам, которые происходят в материальном мире и в человеческом теле, соответствуют процессы, которые происходят в человеческой душе. Первые мы будем называть физическими, а вторые — психическими или же душевными.

- Значит, дерево воспринимает твоя душа?
- Да.
- Но как физические процессы, конечным звеном которых является, как ты сказал, зрительный анализатор в головном мозге, становятся известными твоей душе? Она ведь не материальна... Кстати, этот вопрос я тебе уже задавал: помнишь, я спросил, нет ли у тебя в голове воспринимающего, который смотрит на то, что происходит в мозге?
- Я тогда ответил отрицательно.
- А теперь?
- Теперь я склонен думать, что в той идее была доля правды.
- Тогда скажи мне: как же твоя душа узнаёт, что происходит в твоём мозге? Ведь душу нельзя сравнить с мячиком, а мозг — с ногой, которая передает этому мячику кинетическую энергию! Между физическим и нефизическим не может быть перехода, не так ли?
- Совершенно верно.
- Но если душа никогда не может узнать, что происходит в мозге, то, может быть, она и вовсе не нужна?
- Это какой-то замкнутый круг. Если мы исключим душу, то наткнемся на то, что уже обсуждали. Ты ловко умеешь водить людей за нос. Но я отвечу тебе так: предметы, которые я вижу вокруг себя, воспринимаются моим мозгом в соответствии с законами природы, законами физики. При этом в моей душе возникают образы воспринимаемых предметов. Хотя мозг не воздействует непосредственно на душу, она всё же узнаёт, что в нём происходит.
- Каким образом?
- Это невозможно объяснить. Я мог бы, впрочем, сказать, что так решил Создатель.
- Ну хорошо. Выходит, что представления, которые содержатся в душе и являются, как ты сказал, психическими, соответствуют физическим событиям в мире?
- Да, конечно. Иначе существование души было бы бессмысленным.
- Или существование физического мира?
- Что ты хочешь сказать? Я... я чувствую себя ошарашенным. Ты хочешь сказать, что можно, по крайней мере гипотетически, допустить, что представления в душе есть, но им не соответствуют никакие события в мире? Что, далее, физический мир мог бы вообще не существовать? Мне это не приходило в голову...
- Ты делаешь успехи. Итак, мы можем пока сказать, что психические события должны соответствовать физическим событиям, поскольку иначе существование души, как и существование мира, оказалось бы бессмысленным. Да?
- По-моему, да! Признание того, что существуют и душа, и мир, требует признания того, что событиям в душе соответствуют события в мире.
- Но уверен ли ты в том, что воспринимаешь дерево таким, каково оно на самом деле?
- Разумеется!
- А тебе не кажется, что Создатель явно не экономил сил, удваивая сущее на душу и мир, причем так, чтобы события в душе соответствовали событиям в мире? Он вполне мог бы ограничиться только душой (или множеством душ) или только миром! Впрочем, ты уже говорил, что Создатель в принципе мог так решить. Ответь-ка мне лучше вот на какой вопрос: можешь ли ты *сам* как-нибудь узнать, что воспринимаешь дерево именно таким, каково оно в действительности?
- Я не понял вопроса: я же вижу это дерево!
- Согласен ли ты с тем, что образ дерева, которое ты сейчас воспринимаешь, есть факт твоего сознания? Или, говоря другими словами, событие в твоей психике, в твоей душе?
- Вроде бы, я сам недавно это сформулировал.
- Так можешь ли ты вылезти как-нибудь из своего сознания, чтобы сравнить то, что ты видишь, с самим деревом?

- Здесь что-то не так. Ты, наверное, опять хочешь меня запутать.
- Отнюдь нет! Напротив, я хочу снять оковы с твоего ума, освободить тебя от пут обыденных представлений. Видя твои затруднения, я постараюсь привести простые примеры.
- Я слушаю.
- Представь себе человека, который не различает красный и зеленый цвета. Скажи пожалуйста, мог бы он когда-нибудь *сам* узнать, что он дальтоник? Вылезти из своих глаз, чтобы увидеть мир таким, каков он есть?
- Нет, конечно. Хотя постой: он мог бы использовать определенные физические приборы, которые показали бы ему, что поверхности, которые кажутся ему одинаковыми по цвету, на самом деле отражают свет по-разному.
- Bravo! Я не ожидал от тебя такого ответа. Но скажи мне, не является ли использование прибора апелляцией к мнению других, а не к своему собственному?
- И да, и нет. Ведь, в конце концов, он мог сам этот прибор изобрести.
- Хорошо. Не кажется ли тебе, однако, что всё человечество в каком-то смысле находится в ситуации дальтоника?
- Возможно. Ведь люди видят мир иначе, чем, допустим, стрекозы. Но человек прекрасно понимает, что, например, цвета не существуют в вещах сами по себе: то, что мы видим как цвет, есть определенные физические свойства поверхности тела. Однако эти физические свойства можно объективно исследовать, как я сказал, при помощи приборов. Люди могут ошибаться, но прибор, если он правильно работает, ошибиться не может.
- Задумайся же теперь над тем, что такое прибор.
- Физический объект, регистрирующий состояние других физических объектов.
- Значит, состояние прибора, как и состояние мозга, нельзя конвертировать в состояние сознания? Или — души?
- А! Мы наткнулись на ту проблему, которую уже обсуждали. Как моей душе становятся известными показания прибора, я объяснить не могу. Но ведь и твой пример с дальтонизмом был, по моему, некорректным! Дальтонизм — это болезненное состояние физиологического аппарата, который воспринимает и обрабатывает информацию о цветах, а совсем не болезненное состояние души или сознания.
- Но ты ведь не станешь отрицать, что дальтоник *не осознает* различия цветов? Не получается ли, что дальтонизм в конечном счете есть факт именно сознания, а не тела?
- Да, кажется, ты прав. Я не знаю точно, как состояние мозга превращается в состояние сознания, но снова склоняюсь к мысли, что сознание или психика — это особая функция мозга. Измени мозг — изменится и психика. Законы их изменений в конечном счете должны быть одинаковыми. И тогда всё становится ясным: в соответствии с физическими законами я воспринимаю это дерево, и при этом в моем мозге происходят сложные процессы, которые приводят к появлению образа этого дерева у меня в... сознании. Не знаю, как это объяснить, но знаю, что сознание как особый продукт или вид деятельности мозга не содержит ничего, что не было бы обусловлено физическими законами. Оно отражает физический мир. А значит, я вижу мир таким, каков он есть; то же, что я не вижу, я могу исследовать при помощи приборов. Что же касается дальтоника, то по физическим или физиологическим законам он видит мир иначе, чем я. Такова материя его тела. Но и он может узнать действительное положение дел, используя прибор.
- Очень странная картина.
- Почему же?
- Да потому, что и эта картина не допускает возможности человека вылезти из собственного тела (из собственной материи), чтобы посмотреть на мир откуда-то со стороны.
- Я не понимаю.

- Воспользуемся одним старым примером и представим, что все люди носили бы очки с зелеными стеклами.
- Они бы видели всё в зеленом цвете и его оттенках.
- Верно. А чем принципиально отличаются наши глаза от таких очков?
- Я, кажется, начинаю понимать. Я и сам говорил, что стрекоза видит мир не так, как человек.
- Мы рассматривали только зрение, но, надеюсь, ты понимаешь, что так обстоит дело и с другими человеческими чувствами?
- Разумеется. Человек воспринимает мир по-человечески, а стрекоза — по-стрекозиному.
- Откуда человек может получить тогда объективные сведения о мире?
- Я уже сказал: он может научно исследовать этот мир. Например, при помощи разных приборов.
- Теперь постарайся снова ответить мне на вопрос, который я задавал: что такое прибор?
- Это сконструированный человеком физический объект, позволяющий научно исследовать физический мир.
- Можно ли назвать прибор усилителем человеческой способности видеть мир?
- Наверное, да.
- Можно ли сказать, что прибор, сконструированный человеком, устроен в соответствии с законами человеческого мышления?
- Ну уж нет! Ты, видно, пытаешься свести научное познание к законам человеческого мышления, но знай, что у тебя ничего не выйдет. Чтобы сконструировать любой прибор, даже самый простой, надо провести множество экспериментов, которые отсекут любую попытку конструктора получить то, что будет соответствовать каким-нибудь личным его интересам. Прибор регистрирует мир объективно. Произвол исследователя в научном познании мира исключен.
- Я и не собирался утверждать обратное! Но скажи: если бы прибор не был устроен в соответствии с законами человеческого мышления, то как, по-твоему, человек мог бы им пользоваться? Разве мог бы он тогда узнать, *что* показывает прибор? Разве возможно было бы человеческому мышлению интерпретировать результаты, полученные при помощи прибора?
- Нет, это было бы невозможно.
- Что же отсюда следует?
- Отсюда следует, что устройство прибора соответствует устройству мышления. Не понимаю, почему я сразу это не осознал. Мы бы не могли пользоваться приборами, если бы они не работали в соответствии с законами нашего мышления. Как, например, не могли бы пользоваться молотком, если бы у нас не было рук. Но ведь прибор регистрирует мир объективно! Стало быть, он устроен и в соответствии с законами мира!
- *Какого* мира, хотел бы я знать?
- Объективного...
- А точнее?
- Мира, который... который регистрируется самим прибором².
- Теперь ты, надеюсь, понял, что человек с прибором (с формулой, с учебником по высшей математике, с набором химических реактивов и так далее) мало чем отличается от человека в зеленых очках?

² Известный философ К. Поппер в одной из своих книг приводит слова У. Черчилля о том, что независимое свидетельство реальности Солнца может быть получено при помощи автоматических вычислительных машин (которые позволили бы, к примеру, предсказать прохождение по Солнцу черного пятна). Поппер считал этот аргумент «самым философски здравым и самым изобретательным доводом против субъективистской эпистемологии» из всех ему известных (см.: *Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход*. М.: УРСС, 2002. С. 50–51). И все же этот аргумент имеет весьма ограниченное применение: можно доказать, что использование прибора есть апелляция к мнению других, но доказать, что прибор позволяет человеку вылезти из своих человеческих глаз, никак нельзя.

— Ты, кажется, заставил меня убедиться в этом. Но ты ведь сам признал, что показания прибора объективны! Как же так?

— Я и сейчас это признаю.

— И как ты это объяснишь?

— О! Я вовсе не собираюсь и не собирался ничего тебе объяснять. Моя задача — не рассказать тебе, что я знаю сам, а провести тебя по стране *твоих собственных* знаний. Иначе мы с тобой не стали бы ходить кругами. Но проку от нашего разговора тогда не было бы никакого.

— Наш разговор отнял у меня много сил; я, признаться, и не думал, что беседа об отвлеченных вещах может быть столь изнурительной... Напоследок я хочу сказать, что пока еще не знаю точно, может ли быть наше познание мира объективным, но, кажется, начинаю понимать одно: *нам открывается такой мир, какой мы сами можем увидеть*³.

— Ради этого стоило потрудиться.

Второй диалог. Антропный принцип

Вопрос об объективности научного знания. Можно ли уподобить мышление парламенту, который объявил себя нераспускаемым. Эксперимент по изменению законов мышления. Шизофренический мир. Почему мы забываем сны. Мышление не может сравнить себя с самим собой. Нельзя получить мир, который исключает нас самих. Взгляд на мир допускается самим миром. Нельзя посмотреть на мир пустыми глазами. Научное познание становится объективным тогда, когда оно обращается к миру, по законам которого оно само оказывается возможным.

— Не могу сказать, что вполне доволен выводом, который я сформулировал в прошлый раз. С тех пор я много думал, и, знаешь, меня все время не покидало чувство неудовлетворенности.

— Можешь ли ты сказать, с чем связано это чувство?

— Я сказал тогда, что мы видим тот мир, который можем видеть. Если эту мысль чуть-чуть развить, получится, что и при помощи науки мы познаём только то, что можем познать научно. По моему, это какой-то заколдованный круг: наше познание, если оно именно таково, напоминает парламент, который объявил себя нераспускаемым.

— Подумай хорошенько: что же тебя не устраивает в этой картине?

³ Антропный принцип, сформулированный в 1973 году английским астрофизиком Б. Картером, гласит: «То, что мы можем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателя» (Цит. по: *Балашов Ю.В.* Наблюдатель в космологии: дискуссии вокруг антропного принципа // Проблема гуманитаризации математического и естественно-научного знания. М., 1991. С. 83). Отсюда иногда делают поспешный вывод: наблюдаемое нами (т.е. все познаваемое, все содержание нашего сознания), будучи ограничено условиями наблюдения и подчиняясь этим условиям, не может быть ничем иным, как субъективной картиной объективного (но никогда не могущего быть объективно познанным) мира (если таковой вообще существует). Так понимали даже Канта с его идеей априорных форм, которая при определенном толковании может оказаться тем же антропным принципом, правда, сформулированным более двухсот лет назад. Даже такой блестящий философ, как С. Франк, разбирая вопрос о психологизме в своем предисловии к «Логическим исследованиям» Гуссерля, сказал о Канте следующее: «...никто не содействовал распространению психологизма и субъективизма в философии более, чем Кант, который заставил весь объективный мир “вращаться” вокруг человеческого сознания» (см.: *Франк С.* Предисловие редактора русского издания // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 7). Однако идея Канта, как и идея астрофизика Б. Картера, не столь наивна. В действительности условия наблюдения, как и априорные формы познания, *объективны*, т.е. соответствуют законам мира: наблюдатель не строит мир по своему произволу, но сам включен, встроен в мир, который по своим законам допускает акты извлечения опыта о себе самом (см.: *Мамардашвили М.* Кантианские вариации. М.: Аграф, 2000. С. 101). Современная теория познания не допускает того наивного психологизма, который первоначально в ней можно усмотреть.

— Но смотрим-то мы на действительный мир! И, однако, объективность его, как мне кажется, от нас постоянно ускользает. Где гарантия того, что познание мира в его объективных законах не зависит от нашего способа на этот мир посмотреть?

— Прекрасно! Ты задаешь очень смелые вопросы. Но скажи мне: может ли наше мышление само по себе взять и отменить законы, которым оно подчиняется? Может ли оно изменить их?

— Мне трудно ответить на этот вопрос.

— Тогда давай попробуем ответить на него положительно и посмотрим, что из этого выйдет.

— Давай попробуем. Только ты, пожалуйста, формулируй сам.

— Ну хорошо. Представь себе две точки на плоскости и скажи мне, как можно кратчайшим путем прийти от одной точки к другой.

— Очевидно, надо прочертить между ними прямую линию и двигаться по ней.

— Возможно ли, чтобы кратчайшим путем от одной точки к другой оказался путь не по прямой, а по кривой?

— Нет, это невозможно.

— Теперь допустим, что формы нашего мышления изменились так, чтобы именно этот отвергнутый тобой способ казался нам единственно правильным.

— Это очень сложно представить.

— Разумеется. Как, например, нам с тобой сложно представить, чтобы один и тот же предмет находился одновременно в разных местах.

— Да, это тоже очень сложно представить.

— Но все же давай допустим, что изменились все законы, которым подчиняется наше мышление. Или, точнее, законы, которым подчиняется вся наша познавательная активность. Или даже *любая* наша активность. И вот теперь нам кажется, что кратчайший путь от точки к точке — это путь по кривой, а не по прямой.

— И что?

— Как бы мы тогда смотрели на мир?

— Как и сейчас, мы смотрели бы на него из своих глаз. И мыслили бы этот мир при помощи своего мышления.

— Ответ же мне на такой вопрос: заметили бы мы тогда, что в мире что-то изменилось, что-то стало не таким, как раньше?

— Да, конечно! Ведь всё, что человечество к этому моменту сумело сделать, всё то, чем горда наша цивилизация, — всё это стало бы для нас непригодным. Сам мир ведь остался бы таким, каким он и был раньше!

— Скажи пожалуйста: а как бы мы *увидели* этот мир? Смогли бы мы тогда разглядеть в нем все те вещи, которые мы уже не можем использовать? Например, обыкновенную линейку?

— Нет, не смогли бы.

— Но если так, то, значит, мы перестали бы видеть мир?

— Мне трудно сказать. Возможно, и нет. Теперь мне начинает казаться, что изменения мира мы могли бы и не заметить. Прежний мир для нас бы исчез, это точно. Но, похоже, мы даже никак не смогли бы заподозрить, что с нами приключилась такая беда. Я, кажется, запутался. Наверное, мы оказались бы в каком-то новом мире.

— Или — в старом?

— Как это так?

— Очень просто! Ведь если бы мы даже, как ты говоришь, не смогли заподозрить, что мир куда-то исчез и вместо него появился другой, то мы продолжали бы существовать в своем мире как ни в чем не бывало, не так ли? Например, все линейки в нем мы стали бы видеть как кривые, причем эту их кривизну мы видели бы точно так же, как сейчас видим их прямоу.

— Я что-то не пойму. Неужели ты хочешь сказать, что, например, пока я произношу сейчас эту фразу, весь наш мир, включая и нас, мог бы бесконечное число раз измениться, и мы бы этого не заметили?

— Я не могу назвать это предположение совершенно абсурдным. Но давай разберемся со всем этим более тщательно. Итак: в случае, если бы формы нашего мышления изменились, то ведь сам мир перестал бы им соответствовать?

— Да.

— И каковы были бы возможные последствия этого? Можешь ли ты назвать их поочередно?

— Есть, по-моему, три варианта. Первый: мы сами бы исчезли, поскольку ничто в мире больше нам бы не соответствовало, не соответствовало бы нашей способности посмотреть на мир.

— Прекрасно!

— Второй и третий мы уже обсуждали. Либо мы оказались бы в совершенно новом мире, либо — оказались бы в старом.

— И что тогда? Окинь мысленным взором три варианта, которые ты назвал. Допускает ли хотя бы один из них, чтобы мы смогли узнать о произошедшей перемене?

— Первый и третий — не допускают.

— А второй?

— Здесь сложнее, и у меня нет четкого ответа на этот вопрос.

— Но разве мы вспомнили бы о том, что раньше мир для нас был другим, если бы изменилась сама наша способность вспоминать?

— Вряд ли.

— Мы видим события в мире как происходящие одновременно друг с другом и как последовательно сменяющие друг друга во времени, не так ли?

— Разумеется.

— Но в том случае, который мы разбираем, мы бы уже лишились этой способности? Или она была бы совсем иной? Например — время для нас потекло бы в обратную сторону или совсем исчезло бы? Или как-то исказилось?

— Хотя это трудно представить, я с тобой соглашусь. Мы ведь сами допустили, что законы, в соответствии с которыми мы смотрим на мир, могли бы измениться.

— Так была бы у нас возможность вспомнить наш прежний мир?

— Нет. В каком-то смысле мы напоминали бы людей, которые внезапно потеряли память; впрочем, я понимаю, что это сравнение не совсем точно. Но постой-ка! Кажется, мы что-то упустили.

— Что же?

— Мы ставили мысленные эксперименты и ломали себе голову, не подумав о том, что ведь сама природа поставила эксперимент, к которому нам следовало бы обратиться.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду психические болезни. Не кажется ли тебе, что мышление человека, который, к примеру, болен шизофренией, весьма отлично от нашего?

— Это действительно так. Например, такой человек может видеть причины и следствия там, где мы увидим лишь случайные совпадения. Он может усматривать во всех событиях, которые вокруг него происходят, какую-то чудовищную мистификацию или проявление чьей-либо злой воли. Он может ощущать, что все его мысли доступны окружающим или же, наоборот, считать, что сам контролирует мысли других людей. Он может ощущать себя полным ничтожеством либо властелином мира. Иными словами, человек, заболевая шизофренией, оказывается не в том мире, в каком он жил раньше.

— Но он ведь, как мне кажется, должен помнить о своем прошлом? О том, как выглядел для него мир раньше?

— Увы, в действительности как раз всё иначе. И на прошлое, и на будущее больной шизофренией смотрит совершенно не так, как смотрел до развития у него болезни. Болезнь заставляет человека переоценить все события его жизни: например, они встраиваются в систему бреда, и тогда даже в своем далеком прошлом человек будет видеть совсем не то, что видел раньше. Оно может полностью измениться.

— И это определяется тяжестью болезни?

— Конечно. Причем в некоторых случаях человек может сначала оказываться одновременно как бы в двух мирах, привычном и совершенно новом, а затем привычный мир окончательно вытесняется миром болезни. Полностью отрешаясь от действительности, человек попадает в мир своих грез. И, кстати, когда это состояние заканчивается, он оказывается неспособным вспомнить то, что переживал. Или очень быстро это забывает — примерно так же, как мы забываем свои сны.

— Да, я понимаю... И обыкновенный наш сон, и шизофрения — это примеры изменения законов нашего мышления.

— Однако наше мышление все-таки *позволяет* нам спать, как могло бы позволить и заболеть шизофренией. Что ты на это скажешь?

— Всё правильно: то, о чем мы сейчас говорим, — не есть примеры *полного* изменения законов человеческой мысли. Эти изменения, как кажется, совершаются все-таки в соответствии с законами мысли. Поэтому я бы даже сказал, что *не сами законы* меняются. Государство может принять новую конституцию, но акт ее принятия все же происходит в соответствии с каким-то более общим законом. Так и здесь. Поэтому пример с психическими расстройствами был не вполне удачным. Но и он, по-моему, указывает на то, что, глядя на мир из аппарата собственного мышления, нельзя узнать, что этот аппарат мог бы работать иначе.

— Давай же вернемся к той проблеме, с которой начали этот разговор. Что мы хотели проверить?

— Мы хотели проверить, что было бы, если бы мышление могло взять и полностью изменить свои законы.

— И что же мы узнали?

— По-моему, мы узнали только то, что даже если бы мышление и было способно на такую авантюру, оно никогда не смогло бы это обнаружить.

— Почему?

— Потому что оно не могло бы сравнить себя с самим собой.

— Браво! Стало быть, наш вопрос оказался бессмысленным?

— Видимо, да. Во всяком случае, на него можно ответить и положительно, и отрицательно, причем результаты в обоих случаях окажутся одинаковыми.

— Так можно ли уподобить наше мышление или наше познание парламенту, который объявляет себя нераспускаемым?

— Теперь мне кажется, что это уподобление явно некорректно.

— Но тебя ведь по-прежнему что-то смущает?

— Да. Я так и не понимаю, как доказать объективность законов мира. Ведь если мы познаём только то, что можем познать, и притом так, *как* мы способны познавать, то не вытекает ли отсюда зависимость законов мира от законов, которым подчиняется наше мышление?

— Мне нравится твой вопрос. Поверь: многие великие умы нашего времени остаются в полнейшем неведении относительно того, как на него ответить. Путь, по которому мы пойдем, будет сложным, и сейчас я могу только лишь намекнуть тебе, в какую сторону нам надо будет двигаться.

— Говори, я внимательно слушаю.

— Вспомни то, что мы только что обсуждали. Пытаясь представить, что было бы, если бы законы нашего мышления изменились, мы пришли к выводу, что, как бы мы ни старались, мы всегда оказывались бы в мире, который соответствует нашей способности его увидеть. Да?

— По-моему, да.

- Можно ли сформулировать это в общем виде?
- *Что бы мы ни делали, мы никогда не сможем получить такой мир, который исключает нас самих, нашу возможность на него посмотреть.*
- Но если мы никак не можем получить мир, исключающий нас самих, то, значит, любой мир, который мы можем получить, *включает нас самих?*
- Разумеется.
- Можем ли мы тогда сказать, что наш взгляд на мир есть событие *внутри* того мира, который мы имеем?
- Да.
- А значит, и наша возможность посмотреть на мир определяется законами самого мира? Подразумевается тем миром, в котором мы находимся?
- Я что-то не пойму... Ты каким-то образом совершил круг и пришел от нас самих к миру.
- Да, конечно. И этим я вовсе не доказал тебе, что мир объективен. Но я хотел, чтобы ты осознал одно: мы не можем открыть глаза и ничего не увидеть, не можем протянуть руку и не обнаружить совсем ничего. Мы распахнуты навстречу миру, как и он распахнут навстречу нам. Нас не может быть без мира: мы устроены так, чтобы могли видеть, слышать и осязать этот мир. Любое наше действие или даже самая ничтожная наша мысль есть событие внутри нашего мира. Для доказательства его объективности нам еще потребуется масса усилий...
- Но я, кажется, уже начинаю понимать, зачем ты вообще затеял наши разговоры. Ты, по-моему, действительно не собирался опровергать научное знание о мире, как, впрочем, и те наивные представления о нем, которые я так хотел защитить: ты лишь пытался мне показать, чего эти научные и повседневные представления стоят. Сейчас я уже смотрю на вещи совсем иначе, чем тогда. И в то же время понимаю, что сами они не изменились: мир, как и был, остался объективным.
- Помнишь ли ты наш вывод о том, что мы никогда не смогли бы вылезти из своей головы, чтобы сравнить то, что мы видим при помощи этой головы, с самим миром?
- Да. И этот вывод с тех пор не давал мне покоя. Но, кажется, теперь мы можем его немного скорректировать. По крайней мере, я уже догадываюсь, как мы могли бы рассуждать.
- Возможно ли эту идею полностью опровергнуть?
- Нет, конечно. Но мы можем на нее посмотреть иначе, чем раньше.
- И как же?
- Суть, по-моему, в том, что, если следовать логике нашего сегодняшнего рассуждения, нам вовсе не нужно вылезать из своей головы, чтобы увидеть мир: наша голова самим миром предназначена для того, чтобы мы могли на него смотреть.
- А если мы вылезем из своей головы...
- ...то мы ничего не увидим. Ведь тогда мы вылезем и из мира.
- Превосходно сказано! А теперь ответь мне на такой вопрос: как ты думаешь, правомерно ли утверждать, что научное познание основывается на фактах?
- И да, и нет. Да — потому что без факта научное познание невозможно. Нет — потому что факт невозможно исключить из самого научного познания. Если нам дано увидеть факт, значит, так устроен наш взгляд. Нельзя посмотреть на мир пустыми глазами. Поэтому, глядя на мир, мы должны в первую очередь задаваться вопросом о том, как же извлечение нами того или иного факта стало событием мира, на который мы смотрим.
- Мне кажется, ты теперь можешь поставить точку в нашем сегодняшнем диалоге.
- *Научное познание становится объективным не тогда, когда оно пытается найти мир, независимо от самого акта познания существующий, а тогда, когда оно обращается к миру, по законам которого оно само оказывается возможным.*
- Именно к такому миру мы и обратимся в следующий раз.

Третий диалог. Путь к объективности

Можно ли сравнить знание с вещью. Использование прибора есть апелляция к мнению других. Невозможность индивидуального сознания. Аргумент Л. Витгенштейна. Взгляд на мир глазами других. Механизм понимания, который изначально является общим, лежит в основе любого индивидуального акта понимания как видения индивидом общего в любой единичной вещи. Мы способны увидеть в мире предметы как объективно существующие (как разделяемые с другими людьми) лишь потому, что не обладаем возможностью посмотреть на них сразу со всех сторон. Как доказать, что мы не находимся в виртуальной реальности. Проблема времени: можно ли сказать, что мир существовал всегда. Мы находимся внутри сознания. Гегелевский круг. История сознания как история форм предметной деятельности.

— Я никак не могу отделаться от ощущения, что в прошлый раз мы поймали самих себя в ловушку.

— Что ты имеешь в виду?

— Говоря о мышлении, мы пользовались исключительно средствами самого мышления, так как никаких других средств у нас просто нет и не могло быть. Не получается ли теперь, что мы хотим доказать объективность законов нашего мышления, не вылезая из собственной головы, а значит, весьма напоминаем человека, который измеряет свой рост, кладя ладонь на свою макушку?

— У меня есть и более смешное сравнение: представь себе Мюнхгаузена, вылетающего из болота...

— И что же с этим делать?

— Предлагаю вернуться в болото и посмотреть, как так вышло, что мы с тобой в нем оказались.

— Я тебя не понимаю.

— Ладно, оставим шутки. Я имел в виду, что мы всегда *уже* находимся в мире, на который смотрим. Если допустить, что этот мир объективен, то объективен и наш взгляд на мир — просто потому, что этот взгляд есть событие внутри мира. Мы не можем, как Мюнхгаузен, вылететь из мира (или из нашего мышления о мире), точно также как и вытянуть весь мир из самих себя. Именно поэтому вопрос, который мы обсуждали в прошлый раз, мы с тобой признали бессмысленным.

— Но объективность мира всё же остается здесь просто допущением! Поэтому я и задаю свой вопрос: откуда мы знаем, что наши заключения о мире (и о нас, о нашем мышлении, происходящем в этом мире) *правильны*? И правильны ли они?

— Мне вполне понятен твой вопрос, и мы действительно сегодня постараемся на него ответить. Но прежде я хочу обратить твоё внимание на то, *как* ты его сформулировал. Что могла бы значить, по-твоему, правильность наших заключений о мире?

— Если наши заключения правильны, то нашим знаниям о мире соответствует в самом мире то, о чем мы знаем.

— Наше знание правильно, если оно соответствует вещам в мире?

— Да.

— А можно ли сравнить наши знания о вещах с самими вещами?

— Да... Хотя постой: нет, нельзя.

— Почему?

— Вещи мира даны нам исключительно как наши знания о вещах. Чтобы сравнить знание с вещью, я должен был бы эту вещь уже знать. Следовательно, сравнить знание и вещь невозможно.

— С чем же тогда можно сравнить знание?

— Только с другим знанием.

— Но зачем тогда раздваивать мир на вещи и знания?

— Ага! Получается, что наши знания — это и есть вещи?! Мне, признаюсь, пока еще сложно во всём этом разобраться... Но тогда и правильность наших заключений о мире должна следовать из законов самого мира, из законов вещей! Но как же так? Я же могу заблуждаться, а мир — не может!

— Ты прекрасно формулируешь. Пока что я скажу тебе только одно: любое наше заблуждение совершается не иначе, как по законам мира.

— Да, я понимаю...

— Помнишь ли ты, как во время первой нашей беседы мы рассуждали о научных приборах?

— Да, помню. Я пытался доказать, что показания прибора объективны, а в результате ты подвел меня к выводу, что прибор есть усилитель человеческой способности познания. Даже когда человек смотрит на мир через прибор, взгляд его все равно остается человеческим.

— Помнишь, я спросил, не является ли использование прибора апелляцией к мнению других?

— При помощи этого можно было бы многое объяснить, но я тогда сказал, что человек вполне мог и сам сконструировать прибор.

— Я не стал тогда на этой проблеме останавливаться, поскольку это увело бы нас в сторону. Но сейчас давай рассмотрим ее более пристально. Я постараюсь тебе продемонстрировать, что человек в одиночку не только не смог бы создать ни один прибор, но не смог бы даже зарегистрировать показания уже имеющегося у него прибора, если не был бы способен обмениваться мнениями по поводу этих показаний с другим человеком. Иными словами, я покажу тебе для начала, что человеческий взгляд на мир был бы невозможен, если бы человек не был бы членом человеческого общества, не мог общаться с себе подобными⁴. Это будет нашим первым шагом в решении проблемы объективности.

— Занятно. С тех пор, как мы с тобой стали вести эти беседы, меня не покидало чувство, что, как бы мы ни пытались, мы не могли бы доказать самим себе, что находимся в объективном мире, а, например, не во сне или в виртуальной реальности. Я где-то слышал, что человека, решившего, что всё вокруг — это плод его воображения, невозможно опровергнуть. У тебя, кажется, такое опровержение есть?

— Вот именно.

— Ну что ж, говори! Я внимательно тебя слушаю.

— Давай проведем мысленный эксперимент. Представь себе одинокого человека, каким-то чудом оказавшегося на необитаемом острове и никогда не видевшего других людей. И давай допустим, как бы это ни было нелепо, что этот человек владеет каким-то языком. Поскольку он не общается ни с кем, кроме себя, этот язык понятен только ему одному. Представь далее, что у этого человека есть какой-то прибор, например — барометр. Допустим, он его сам сконструировал. Что нужно человеку, чтобы увидеть и осознать показания прибора?

— Очевидно, нужно посмотреть на прибор.

— Вот он подходит к прибору и на него смотрит. Если это барометр, то он показывает, к примеру, приближение грозы. Как наш одинокий человек может узнать, что приближается гроза?

— Он может это узнать только в том случае, если он *знает*, что показания прибора, которые он сейчас видит, должны свидетельствовать о приближении грозы. Здесь две возможности: он должен был либо еще раньше заметить, что гроза начинается тогда, когда прибор показывает то-то и то-то, либо просто прийти к умозаключению, что так должно быть.

— Рассмотрим первую возможность. Итак: раньше этот человек видел, что определенные показания прибора (назовем их показаниями икс) соответствуют приближению грозы. Он снова видит

⁴ Дальнейшие рассуждения читатель может сравнить с известной аргументацией Л. Витгенштейна, доказавшего невозможность существования языка, на котором человек общался бы исключительно с самим собой (см.: *Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. М.: АСТ – СПб.: Terra Fantastica, 2003. §§244–258*).

показания икс. Может быть, он обозначает их каким-то словом своего языка. Откуда он знает, что те показания, которые он теперь видит, — это и есть показания икс?

— Но ведь раньше он их уже видел!

— И что? Откуда он знает, что перед ним те же самые показания?

— Допустим, в прошлый раз, чтобы их запомнить, он сказал себе: «Я вижу показания икс, и эти показания свидетельствуют о грозе».

— И что же он делает в этот раз?

— Он может сказать себе: «Я вижу показания икс, которые видел в прошлый раз. Значит, скоро будет гроза».

— На чем же основывается его уверенность в том, что он видит именно показания икс?

— Но он же их видит!

— Ты уверен в этом? Он ведь должен не просто видеть, но еще и знать, *что* он видит, не так ли?

— Разумеется!

— Так откуда он знает, что их видит? *Что* в показаниях прибора указывает ему на то, что раньше он их уже видел?

— Он... вспоминает это.

— Но что же нужно, чтобы вспомнить, что раньше ты нечто видел?

— Нужно... уметь сравнить свое нынешнее состояние со своим прошедшим состоянием.

— Можно ли сравнить себя с самим собой, пользуясь при этом своими собственными средствами?

— Не знаю... Нет, нельзя. В прошлый раз мы об этом говорили, правда, обсуждали мы тогда совсем другое...

— Возможен ли в таком случае язык, на котором можно общаться исключительно с самим собой и который непонятен никому другому?

— Нет.

— Теперь рассмотрим вторую возможность. Ты сказал, что человек, сконструировавший прибор, мог раньше и не видеть никаких его показаний, но способен прийти к умозаключению о том, что определенные показания соответствуют определенному положению дел. Так?

— Да.

— А теперь подумай хорошенько: что нужно, чтобы быть способным прийти к какому-либо умозаключению?

— Нужно... уметь сравнить себя с самим собой.

— Почему?

— Потому что, чтобы что-то придумать, нужно уметь осознать себя в качестве знающего что-то или думающего о чем-то. Также и с прибором: перед тем, как его создать, нужно иметь его в голове. А значит, нужно уметь соотносить то, что ты делаешь, с тем, что ты хочешь сделать. Мысль должна быть осознана как мысль...

— ...что требует от нас соотнесения с чем-то, что *вне* нас находится. Мы владеем языком только потому, что это — общественный язык. Мы пользуемся приборами только потому, что смотрим на их показания глазами других людей.

— Теперь мне это совершенно очевидно.

— А теперь скажи: что нужно человеку, чтобы увидеть нечто в мире и это осознать?

— По-моему... нужно смотреть на мир глазами других. Но кстати: не является ли мой «взгляд глазами других» просто фикцией? Ведь откуда я знаю, что другие люди обладают таким же сознанием, как и я?

— Если бы это было не так, то ты сам не обладал бы никаким сознанием. Или ты готов превратиться в одинокого человека, ждущего на острове приближения грозы и смотрящего пустым взглядом на барометр?

— Ну уж нет...

- Тебя что-то смущает?
- Одна только вещь: взгляды-то у всех людей разные!
- Но ты, вероятно, не станешь отрицать, что твоя способность нечто понять весьма тесно связана со способностью рассказать об этом другому?
- Это знает каждый школьник.
- Не получается ли, что понимания мы достигаем тогда, когда приближаемся к другим, а не тогда, когда отдаляемся от них?
- Видимо, так. Но это значит, что чем более субъективен наш взгляд, тем менее он объективен?
- Ты почти угадал. Однако за этим «почти» скрывается очень многое...
- Мне и самому не очень нравится то, что я сказал.
- Конечно, мнение одиночки порой оказывается более объективным, чем мнение большинства. Но дело не в этом!
- А в чем же?
- Вот смотри: мы с тобой пришли к выводу, что человек видит мир глазами других. И это, добавлю, делает его взгляд сознательным и объективным. Но здесь возникла проблема: как тогда возможно, чтобы у каждого был свой собственный индивидуальный взгляд? Эта проблема решается достаточно просто. Скажи: разве ты видишь мир моими глазами?
- Нет, конечно.
- Но *возможность* посмотреть на мир глазами другого и обеспечивает возможность того, чтобы мы вообще что-либо видели в этом мире.
- Поясни!
- Я могу сказать и иначе: тот механизм понимания, который изначально является *общим* (или общественным), лежит в основе любого индивидуального акта понимания как видения индивидом общего в любой единичной вещи.
- ?!
- Увидеть в вещи общее — это совсем не то же самое, что увидеть в ней то, что видят другие. Мало ли кто что видит! Видение общего — это необходимое условие того, чтобы взгляд на мир был сознательным, т.е. общественным по своей *сущности*, а не по созвучности мнению окружающих тебя случайных и, возможно, не очень умных людей... Внутри каждого из нас работает этот механизм обобществления — иначе мы не были бы людьми. Всё индивидуальное общественно по своей природе.
- Ладно. Я смутно понимаю, что ты говоришь, и буду еще думать об этом.
- Я всё же попробую сейчас прояснить то, о чем говорил. Давай вернемся к ситуации, с которой мы начали наш первый разговор. Скажи пожалуйста: что нужно для того, чтобы увидеть дерево?
- Прежде всего, конечно, нужно, чтобы оно было перед глазами.
- Но достаточно ли этого, чтобы его увидеть?
- Я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь, но пока все-таки отвечу утвердительно: да, достаточно.
- Тогда скажи: достаточно ли открыть глаза, чтобы увидеть на приборе показания икс? Или, может быть, нужно что-то еще? Например — нужно иметь *человеческие* глаза?
- Ты хочешь сказать, что на дерево, как и на показания икс, мы смотрим глазами других? Но ведь и кошка видит дерево!
- Вопрос в том, *как* она его видит. Я предлагаю тебе сравнить кошку, лесоруба и садовода. Видят ли они дерево одинаково?
- Ты хочешь сказать, что каждый из них воспринимает дерево по-особому, но я все же в этом сомневаюсь...
- Чтобы не затягивать наш разговор, я сразу тебе отвечу, что наше восприятие не есть простая регистрация того, что происходит вокруг нас. Мы видим то, что нас интересует или может заинте-

ресовать, и не замечаем того, что нам безразлично. Кошка «видит» дерево не столько глазами, сколько своими лапами, при помощи которых она может на него взобраться, убегая от собаки. Чтобы увидеть мир, животному нужно посмотреть на него сквозь призму своих возможных движений. Человеку — тоже. Но движения человека могут быть осознаны. А это значит, что схема движений может стать схемой сознательных действий, т.е. действий, которые осуществимы лишь в рамках общественной деятельности. Осознать предмет — то же самое, что увидеть в нем схему общественно значимых действий (обобществление предмета и есть его осознание). Это и значит «смотреть на мир глазами других».

— Но можно ведь видеть дерево и его не осознавать!

— Да, конечно. Когда я погружен в свои мысли, я все равно, скорее всего, не наткнулся на дерево, которое будет стоять у меня на пути. Можно привести пример и из области психопатологии: человек в состоянии так называемого сумеречного помрачения сознания может даже приехать из одного города в другой, не осознавая ясно, что он делает (очнувшись, такой человек будет крайне недоумевать, как случилось, что он оказался в новом месте). Или еще пример: человек, страдающий истерией, может совершенно ничего не видеть (по крайней мере, он сам в этом будет абсолютно убежден), но при этом он не попадет под машину, переходя дорогу. В таких случаях восприятие не является сознательным. Но это не есть *человеческое* восприятие. Настаиваю: человеческий взгляд на мир — это взгляд из общественных глаз.

— И все-таки я жду еще пояснений. Вот я смотрю на дерево...

— Допустим, ты стоишь с одной стороны от дерева, а я с другой. Знаешь ли ты, что мне не видна та часть дерева, которая видна тебе?

— Да.

— Откуда ты это знаешь?

— Я способен представить, что было бы, если бы я смотрел на дерево твоими глазами. Я тогда не видел бы той стороны дерева, которая сейчас обращена ко мне.

— Именно твоя способность мысленно стать мной и обуславливает понимание тобой того, что наши взгляды различны. И связана она с тем, что предметы, которые ты видишь, являются предметами, которые ты можешь разделить с другими людьми — например, называя словом. Ты можешь мысленно обойти вокруг дерева и, тем самым, сделать это дерево видимым самому себе при помощи общественных глаз. Простое произнесение слова «дерево» уже содержит в себе этот мысленный оборот. Но в этом же самом акте видения или называния тобой дерева ты сам выделяешься из общественных глаз и узнаешь, что точка, с которой ты смотришь на дерево, — лишь одна из множества возможных. Мы способны увидеть в мире предметы как объективно существующие (как разделяемые с другими людьми) лишь потому, что *не* обладаем возможностью посмотреть на них сразу со всех сторон (что, казалось бы, только и могло бы сделать наш взгляд объективным). Вот такой парадокс...⁵

— Я понял! Я способен посмотреть на мир твоими глазами и убедиться в том, что вижу мир не так, как ты.

— Добавлю, что ребенок до определенного возраста этой способностью не обладает. А значит, его взгляд на мир сначала не объективен. Способность эта может утрачиваться либо не развиваться в должной мере и при некоторых психических болезнях. Кроме того: некоторые из нас обладают ею в большей, а другие — в меньшей степени. У каждого из нас она обретает свои оттенки. Например, тот, кому трудно посмотреть на мир из чужих глаз, окажется эгоистом.

— Постой! Мы говорили о *познавательной* способности, а теперь ты используешь понятия *этики*. Разве это правомерно?

⁵ Фактически это не даже парадокс, а, напротив, *снятие* антиномии индивидуального и общественного.

— В том-то и дело, что этику нельзя вытащить из теории познания и выбросить на задворки. Нравится тебе это или нет, но мы способны познавать мир объективно именно в той мере, в какой не являемся эгоистами.

— Ну хорошо. Чтобы быть человеком, я должен быть не только самим собой, но и другим, другими людьми. Точнее, самим собой я становлюсь только в том случае, если отказываюсь от себя и смотрю на мир глазами других. Чтобы обрести себя, я должен от себя отказаться. Одиночество невозможно. И это, как кажется, не просто красивые слова, от которых, я знаю, многие ученые, привыкшие оперировать фактами, впадают в ярость: здесь всё оказалось куда более серьезным. Невозможно объяснить факт наличия у самого себя сознания, если не попытаться выяснить его природу. А она, судя по тому, что ты говоришь, не может не быть общественной... Но мы всё же не доказали, что мир, который мы познаём, объективен!

— Первым шагом на пути к этому было обоснование изначальной множественности человека. Сделаем теперь и второй шаг. Правда, на самом деле мы *уже* его сделали. Скажи: можешь ли ты предположить, что находишься сейчас в виртуальной реальности?

— Предположить это я действительно могу. Я даже мог бы предположить, что мне только кажется, что мы с тобой сейчас разговариваем.

— Но что нужно, чтобы тебе могло это казаться?

— Судя по тому, о чем мы говорили, я должен был бы *уже* усвоить язык и обрести сознание, а это было бы невозможно, если бы не существовало что-то помимо меня самого. Если бы, точнее, не существовали другие люди. Даже если сейчас ты мне только кажешься, это может происходить только потому, что раньше я действительно общался с людьми.

— Могли бы эти люди быть виртуальными?

— Скажу так: общение с ними я не мог бы продуцировать из самого себя.

— Мог бы ты сам создать виртуальную реальность?

— Нет, как не мог бы создать даже обычный барометр. Об этом мы уже говорили.

— Что необходимо, чтобы ты мог оказаться в виртуальной реальности?

— Необходимо общение сознательных существ друг с другом. Я могу представить, что реальность есть плод моего сознания, но сознание я мог бы получить только в общении с другими сознательными существами.

— Или, может быть, есть некая неведомая сила, которая вкладывает в тебя представления о реальности?

— Это можно было бы допустить.

— И действия этой силы были бы всё же каким-то способом общения с тобой, не так ли? Но ведь сама эта сила тогда должна была бы обладать сознанием?

— Да. И тогда возникает вопрос о том, откуда эта сила взяла сознание.

— Осмыслен ли этот вопрос?

— Нет, поскольку он уводит в дурную бесконечность.

— Что получается? Как ни крути, обладать сознанием можно только в том случае, если есть кроме тебя другие сознательные существа? И получить сознание можно, только общаясь с ними?

— Да.

— Но могло бы твое общение с другими сознательными существами происходить в виртуальной реальности?

— В принципе, да.

— Что для этого нужно?

— Чтобы наши сознания были как-то связаны друг с другом и помещены в эту реальность.

— Кем или чем они могли бы быть туда помещены? И как осуществлялась бы связь между ними?

— Я понимаю. Если мы и находимся в виртуальной реальности, то должна быть и какая-то другая реальность... Только из реального мира можно попасть в мир виртуальный.

- Но если все мы живем в виртуальном мире, то не является ли он для нас единственно реальным?
- Разумеется.
- Нет ли здесь противоречия? И не получается ли, что мы плодим сейчас с тобой бесконечное количество миров?
- Я бы сказал так: виртуальная реальность есть часть реального мира. Или, точнее, она возможна только как событие в реальном мире.
- Прекрасно! Но давай все-таки допустим, что мы находимся внутри этого события, и постараемся четко ответить на вопрос, что из этого следует.
- В конечном счете из этого следует то, что мы все равно находимся в реальном мире.
- И хотя то, что мы способны видеть в мире соответственно законам нашего познания, и можно назвать виртуальной (или человеческой) реальностью...
- ...все равно она сама как событие в реальном мире допускается его законами.
- Очень хорошо. Но теперь мы с тобой должны затронуть еще одну вещь. Мы ведь все наши рассуждения построили на том факте, что ты обладаешь сознанием. А теперь скажи: когда ты пришел к выводу, что обладать сознанием нельзя, если им не обладают другие люди, не возник ли у тебя вопрос о том, откуда же вообще у людей возникло сознание?
- Я как раз хотел это спросить.
- Но, может быть, у тебя уже есть какие-то соображения на этот счет?
- По крайней мере, я понимаю, что сознание возникло именно у *людей*, а не у *человека*.
- Что же нужно, чтобы оно возникло?
- Очевидно, нужно, чтобы люди стремились общаться между собой. Но для того, чтобы они к этому стремились, у них, по-моему, *уже* должно быть сознание...
- Тогда скажи: что такое свободный поступок?
- Это поступок, который делается человеком по собственной свободной воле.
- Может ли такой поступок быть чем-то обусловлен? Может ли у него быть какая-то причина, помимо свободной воли человека?
- Очевидно, нет. Ведь тогда он не был бы свободным поступком.
- Может ли свобода основываться на чем-то кроме самой себя?
- Нет. Любой свободный поступок был бы тогда продиктован необходимостью.
- А разве он не является необходимым?
- Если и да, то лишь потому, что эту необходимость свобода подкладывает сама под самую себя.
- Ты прекрасно формулируешь. А теперь ответь на другой вопрос: существовало ли время до того, как возник мир?
- Думаю, что нет. Если бы я ответил утвердительно, то впал бы в противоречие: ведь тогда пришлось бы допустить, что нечто существовало до того, как возникло само существующее. Или, если точнее: пришлось бы допустить, что само существование возможно *без* существующего.
- Выходит, время могло возникнуть только вместе с миром?
- Да. Это так, если, конечно, мы допускаем, что мир не существовал всегда.
- Но ведь мир *действительно* существовал всегда!
- Как это так?
- Мир существовал всегда, поскольку *существовать всегда* можно только во времени. Всегда, когда было время, мир существовал.
- Я потрясен. Мне никогда это не приходило в голову...
- Но, стало быть, нельзя найти начало мира, двигаясь по ходу времени в обратную сторону?
- Нельзя.
- Так же, как нельзя найти причину свободного поступка, раскладывая деятельность человека на цепь элементарных явлений, каждому из которых предшествует другое?

— Да.

— Но не кажется ли тебе тогда, что и человеческое сознание, чтобы когда-нибудь возникнуть, должно было бы *уже* существовать?

— Мы получили круг.

— Мы получили круг только потому, что не можем раскрутить свое сознание, как и время, в обратную сторону. Точнее, раскрутить его мы можем, но при этом всегда будем крутиться в нём самом. Средства нашего сознания не позволяют нам выйти за его пределы и найти тот момент, когда его не было.

— А как же тогда расценивать тот факт, что современная наука может с большей или меньшей точностью назвать возраст человека как биологического вида? Кроме того: и возраст Вселенной, по-моему, наука может более или менее точно определить...

— Всё это замечательно. Вот только если ты сам начнешь двигаться во времени по направлению к моменту рождения Вселенной, ты будешь изменяться вместе со временем, и поэтому *никогда* до этого момента не дойдешь. Время расширяется так же, как и пространство. Оно из симультанного, мгновенного превращается в длительное. Именно поэтому, кстати, считают, что Богу (который, сотворив мир, сотворил и время) известно и прошедшее, и будущее⁶.

— Ты сложные вещи говоришь. Но вернемся к происхождению сознания.

— Хорошо. Я хотел тебе только показать, что не сознание находится внутри нас, а мы сами находимся внутри сознания⁷. Психологическая наука может определить этапы развития сознания точно так же, как и астрофизика может определить этапы развития Вселенной. Но, выстраивая сколь угодно подробную цепь событий, мы *изнутри нее* никогда не сможем показать ту точку, в которой не-сознание превратилось в сознание.

— Поясни!

— Дело в том, что историю сознания можно представить как историю форм общественной деятельности. Строго говоря, это и есть наилучший способ представить сознание научно. Моментом появления сознания будет в этом случае тот момент, когда человек начинает видеть в другом человеке продолжателя своих действий. Увидеть в другом продолжателя своих действий — значит обобществить предмет своей деятельности, увидеть в предмете его образ, осознать цель того, что ты делаешь. С появлением цели, кстати, и связано появление психологического времени... Но образ нельзя увидеть там, где его нет. Вот в чем парадокс. Не мы первые, между прочим, кто на этот парадокс наткнулся⁸.

⁶ Если эти рассуждения правильны, то время должно бесконечно замедляться. Впрочем, как показал еще Кант, все проблемы, которые здесь возникают, связаны со склонностью человека путать то, как даны предметы его сознанию, с тем, каковы они «сами по себе». Я не собирался обсуждать здесь вопрос о феноменальности или реальности времени и рассматриваю только саму возможность что-либо сказать, имея время предметом своих рассуждений.

⁷ Ср. слова М. Мамардашвили: «...реальная проблема состоит в том, чтобы множественность приложилась к тому, что едино. <...> Вот этот стол — один; не он — в нас, когда мы сознаем, а мы — там, нет никакой проблемы его размножения. Мир — один (он дается один раз). Но перед языком, на котором мы говорим, стоит задача коммуникации, а не задача анализа, потому что язык внушает нам определенные склонности, содержит в себе определенные натуральные видимости и порождает определенные вопросы, относительно которых философ может показать, что они неминуемы, — раз мы так начали говорить. И, конечно, у нас появится проблема, как коммуницировать другое сознание. А оказывается, сознание не надо коммуницировать. Оно одно. И вас нет, и меня нет. Нет множественных “я”. Есть одно, и есть иллюзия “я”, возникающая в силу определенных причин» (Мамардашвили М. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. С. 190).

⁸ Вот, например, формулировка Гегеля: «Сознание должно проявлять деятельность только для того, чтобы то, что есть *оно в себе*, было *для него*, или: деятельность и есть становление духа как сознания. Что есть оно *в себе*, оно знает, стало быть, из своей действительности. Индивид поэтому не может знать, что *есть* он, пока он действованием не претворил себя в действительность. — Но тем самым он, по-видимому, не может определить *цель* своего действования, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперед иметь перед собой поступок, как *целиком свой* поступок, т.е. как *цель*. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже

— И что же делать?

— На самом деле всё очень просто. Вместо того, чтобы сидеть и пытаться выловить тот момент, когда же в предмете появляется образ, нужно разобраться с историей самих предметов. Образ не проецируется человеческим сознанием в предмет: он с самого начала принадлежит предмету (но и наоборот, он вовсе не «перелетает» из предмета в сознание). Нужно быть полным идиотом, чтобы с самого начала помещать образы предметов в «индивидуальную голову», а материю предметов — в окружающий эту голову мир. В голове нет ничего кроме мозга, и уж по крайней мере образов сознания в ней нет точно. Сознание по своей природе общественно, а значит, оно не возникает в отдельной голове. Искать его там — значит впадать в противоречия. А теперь скажи: как, по-твоему, можно найти источник сознания в предметной деятельности людей?

— Предметы, производимые людьми, имеют свою историю. Когда люди стали делать предметы, появилось сознание. Ведь предмет, как ты сказал, с самого начала несет в себе свой образ. Но для того, чтобы собраться вместе и начать делать предметы, нужно, чтобы сознание *уже* было. И... что?

— Мы пришли к тому, что социальность (т.е. сознательность) есть всегда, когда есть человек — точно так же, как и мир есть всегда, когда есть время. Социальность как бы предшествует самой себе. Пытаясь проследить, как возникает сознание, мы делаем грубую ошибку: мы пытаемся взглянуть из нашего мира, чаще всего не задумываясь над различием между тем, как устроены наши глаза, и тем, что мы хотим увидеть. Наш взгляд на мир устроен так, что мы непременно желаем увидеть в этом мире начала и концы. Когда же мы смотрим на самих себя, устройство нашего взгляда ловит нас в ловушку, и тогда нам приходится заключать, к примеру, что человек *всегда* был сознательным (или социальным) существом. Дело усложняется тем, что мы, даже осознавая общественную сущность сознания, склонны в своих рассуждениях невольно подменять его сознанием индивидуальным. В результате мы становимся похожими на ребенка, который, услышав, что его когда-то не было, убежденно заявляет: «Нет, меня всегда было!». Круг разрывается лишь тогда, когда мы обращаемся к истории форм деятельности, или истории самих предметов. Сами предметы в человеческих руках становятся сознательными, становятся предметами общественных действий. Не люди-животные договариваются о совместной охоте и тем самым превращаются в людей, обладающих сознанием, а сама охота становится совместной. Это можно объяснить законами мира, допускающего возникновение *в нём* сознания.

— Мне пока что сложно всё это осмыслить. Я чувствую, что, с одной стороны, вопрос о возникновении сознания формулируется в соответствии с законами сознания, и, значит, пытаюсь на него ответить, мы вымываемся со всего маху в свое собственное отражение, а с другой стороны, мы вполне можем посмотреть на возникновение сознания как на процесс, подчиняющийся объективным законам эволюции мира, и в этом случае мы, по-моему, должны будем увидеть, как постепенно усложнялись формы деятельности людей, иными словами, как бессознательные действия постепенно превращались в осознанные. Мне еще предстоит над этим серьезно размышлять. По крайней мере, я благодарен тебе за то, что ты открыл мне глаза: раньше я не видел ни мира, ни самого себя.

— Придумал ли ты какую-нибудь формулировку, при помощи которой можно было бы завершить наши беседы?

предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает *лишь из действия*, а чтобы действовать, у него *наперед* должна быть цель» (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 203.). Ср. также у А.Н. Леонтьева: «...люди действуют так, как они представляют, и выделенная ими цель, по выражению Маркса, «как закон» определяет способ и характер их действий. Однако для того, чтобы возникло представление, нужна особая деятельность, направленная на выделение цели» (Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. С. 92).

— Пожалуй, да. Знание невозможно произвести из вещи, как и вещь нельзя сделать производной от нашего знания. Но это не означает, что мы ничего не можем знать о вещах, как, впрочем, не означает и того, что знания и вещи — это одно и то же. Суть в том, что и знания, и вещи появляются из одного источника, и в этом смысле они тождественны. Нельзя разделять мир на мир знаний и мир вещей. Наши знания (наше сознание) включены в сам мир; сознание присутствует в мире потому, что сам мир по законам своего развития это допустил. По-другому объяснить факт существования сознания нельзя: если сознание вытащить из мира, то его уже невозможно будет туда впихнуть. И тогда получится, что или сознания нет вовсе (поскольку мир материален), или оно при помощи каких-то мистических сил излучается мозгом. С этим и связано то, что мистиков и парапсихологов среди специалистов в области нейрофизиологии значительно больше, чем среди любых других ученых.

Содержание

Предварительные замечания.....	3
Первый диалог. Психофизическая проблема (Вступление. Философия начинается в нас как способность удивляться тому, что другие усматривают с очевидностью. Проблема восприятия. Невозможность перехода от физического к психическому. Психофизическая проблема и попытки ее решения. Матрица. Возражение К. Попперу, считавшему, что показания научных приборов свидетельствуют о существовании объективного мира. Прибор есть усилитель человеческой способности познания, устроенный в соответствии с ней. Нам открывается такой мир, какой мы сами можем увидеть).....	4
Второй диалог. Антропный принцип (Вопрос об объективности научного знания. Можно ли уподобить мышление парламенту, который объявил себя нераспускаемым. Эксперимент по изменению законов мышления. Шизофренический мир. Почему мы забываем сны. Мышление не может сравнить себя с самим собой. Нельзя получить мир, который исключает нас самих. Взгляд на мир допускается самим миром. Нельзя посмотреть на мир пустыми глазами. Научное познание становится объективным тогда, когда оно обращается к миру, по законам которого оно само оказывается возможным).....	13
Третий диалог. Путь к объективности (Можно ли сравнить знание с вещью. Использование прибора есть апелляция к мнению других. Невозможность индивидуального сознания. Аргумент Л. Витгенштейна. Взгляд на мир глазами других. Механизм понимания, который изначально является общим, лежит в основе любого индивидуального акта понимания как видения индивидом общего в любой единичной вещи. Мы способны увидеть в мире предметы как объективно существующие /как разделяемые с другими людьми/ лишь потому, что не обладаем возможностью посмотреть на них сразу со всех сторон. Как доказать, что мы не находимся в виртуальной реальности. Проблема времени: можно ли сказать, что мир существовал всегда. Мы находимся внутри сознания. Гегелевский круг. История сознания как история форм предметной деятельности).....	18